

СКАИ ДЖЕВС

18+

— — — — —
ТРИ ГОРОДА ДО ТЕБЯ

A romantic couple is shown in a close embrace on a stone bridge overlooking a Venetian canal at night. The woman, with long, wavy brown hair, is wearing a deep red, spaghetti-strap dress. The man, with dark, curly hair and a light beard, is wearing a dark blue button-down shirt. They are leaning their foreheads against each other, looking down. The background features the warm, golden lights of Venetian buildings and street lamps reflecting on the water. A small bridge is visible in the distance.

Пока Венеция спит

КНИГА 2

18+

Скай Джевс

Пока Венеция спит

«Автор»

2026

Джевс С.

Пока Венеция спит / С. Джевс — «Автор», 2026

Книга 2 из 3. Продолжение романтической трилогии «Три города до тебя». Во Флоренции Элиза и Лука выбрали друг друга. В Венеции им предстоит понять, что делать с этим выбором. У неё — первая серьёзная работа в театре и желание наконец увидеть своё имя в программе. У него — концерты, собственная музыка и фамилия, от которой слишком многого ждут. Между ними — ночные каналы, нетерпеливые поцелуи и несколько старых листов, способных изменить историю его семьи. Элиза уверена: правду нельзя больше прятать. Лука хочет сохранить всё, что любит. Но одна чужая тайна и одно удобное публичное обещание могут ранить сильнее ревности. Начинаяте с бесплатной книги «Поцелуй над Арно» (часть 1). Продолжение и финал — «Останься со мной в Риме» (часть 3). Читать по порядку. 18+.

© Джевс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чемодан против города	5
Глава 2. До вступления	9
Глава 3. Моё имя на коробке	13
Глава 4. Удобное начало	17
Глава 5. Цвет с изнанки	21
Глава 6. Мелкий шрифт	25
Глава 7. Лишний сантиметр	29
Глава 8. День без программы	33
Глава 9. Разрешение на три страницы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Скай Джевс

Пока Венеция спит

Глава 1. Чемодан против города

Элиза

Венеция началась с того, что мой чемодан отказался от романтики. На третьей ступеньке ручка выскользнула из пальцев, колесо стукнуло о камень, и стоявшая сзади женщина произнесла что-то, не требовавшее перевода. Я отступила, пропуская её, прижала к груди папку с эскизами и поняла, что в руках у меня больше нет ничего, чем можно было бы открыть телефон.

Телефон тем временем звонил.

— Я тебя вижу, — сказал Лука, когда я всё-таки ответила подбородком, плечом и последней свободной частью ладони.

— Если видишь, пришли человека с лошадью.

— Лошадь здесь не найдёт парковку.

— Тогда без лошади. Но с сильной моральной подготовкой.

Он появился из-за чужого рюкзака. В простой тёмной футболке, с бумажным стаканчиком и волосами, которые, судя по всему, тоже приехали на поезде отдельно от него. Я собиралась сказать что-нибудь остроумное. Вместо этого улыбнулась так широко, что у меня заболели щёки.

Лука поставил стаканчик на выступ стены, взял чемодан и только потом поцеловал меня. Быстро, крепко, с ладонью у меня на затылке. Мир вокруг не остановился: мужчина с тележкой попросил подвинуться, кто-то задел мою папку. Я отстранилась и ткнула лбом Луке в плечо.

— Мне кажется, у этого города нет интимного пространства.

— Есть. Его сдают посуточно и без кондиционера.

Он забрал стаканчик. Кофе оказался мне. Я сделала глоток, ещё не зная, хорошая ли это идея после поезда, и сразу почувствовала себя человеком с будущим.

Мы пошли не туда, куда я успела уверенно направиться. Лука ничего не сказал. Просто развернул чемодан. На его запястье натянулся ремешок часов, когда он поднял багаж, и я вспомнила, как та же рука лежала у меня на животе флорентийским утром. В толпе вдруг стало очень жарко.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— У тебя «ничего» всегда выглядит так, будто мне надо что-то застегнуть.

Я посмотрела на его футболку и снова не смогла удержаться от улыбки.

— Пока всё на месте.

Он остановился у воды, поставил чемодан и притянул меня свободной рукой. Я обняла его за талию, осторожно, чтобы не раздавить кофе. Тёмная ткань была тёплой от солнца. Мы не виделись всего несколько дней, но за это время я успела решить, что во Флоренции всё могло получиться из-за близости стен, ночных репетиций и усталости. В другом городе он должен был оказаться чуть менее желанным. Для порядка.

Не оказался.

— Привет, — сказал Лука уже совсем тихо.

— Привет.

Он коснулся губами моего виска. От этого простого жеста ожидание всей дороги наконец закончилось.

* * *

Мы договорились сначала отвезти вещи к Розе, а потом, если останутся силы, пройтись по городу. Я представляла себе этот день гораздо изящнее: тонкая рубашка, лёгкая сумка, красивое знакомство Луки с моей бабушкой. В реальности рубашка прилипла к спине, сумка резала плечо, а в чемодане лежал утюжок для ткани, который я не решилась оставить дома.

— Ты переезжаешь или открываешь филиал? — спросил Лука, когда мы пересаживались и я попросила не ставить багаж набок.

— Это маленький чемодан.

— Внутри, видимо, ещё один.

— Там работа. Обувь. И работа для обуви.

— Я уже боюсь спрашивать про этот длинный свёрток.

— Линейка.

Он посмотрел на меня с серьёзностью, которой я не доверяла.

— Хорошо. Если начнётся драка, я позади тебя.

Я толкнула его локтем. В тесном транспорте это оказалось почти лаской. Лука удержал чемодан между ногами, чтобы он не укатился, а я встала рядом, касаясь бедром его колена. Разговаривать стало необязательно. За окном постепенно появлялся другой город: меньше открытки, больше окон с сушащимся бельём, обычных машин и людей, возвращавшихся с покупками.

Местре я знала с детства. Квартира Розы пахла не каналами и древними тайнами, а кофе, нагретым подоконником и мылом, которое бабушка покупала сразу по четыре куска. Когда она открыла дверь, Лука успел выпрямиться с таким видом, будто пришёл на прослушивание.

Роза посмотрела на него, потом на мой чемодан.

— Вы вдвоём его несли? Значит, ещё не поссорились.

Я обняла её, почувствовав под ладонями тонкую ткань блузки и знакомые острые плечи. Она держала меня крепче, чем я ожидала.

— Добралась, — сказала она мне в волосы.

— Почти героически.

— Героически — это без утюга.

Лука закашлялся, пряча смех. Я обернулась к нему.

— Не надо так быстро становиться союзниками.

— Я ещё ничего не сказал.

— Именно. Хуже всего, когда вы понимаете друг друга без слов.

Роза впустила нас, показала, куда поставить вещи, и велела мыть руки. Луке досталось полотенце с выцветшими цветами. Он повесил его после себя так аккуратно, что бабушка сразу заметила.

— Можешь просто оставить на крючке. Я не проверяю углы.

Он улыбнулся.

— Профессиональная деформация. В незнакомом доме стараюсь не шуметь.

— Музыкант, который старается не шуметь, — сказала Роза. — Уже любопытно.

На кухне стояли три тарелки. Я увидела, что бабушка приготовила больше обычного, и почувствовала нежность вместе с тревогой. Она ждала нас не только с историей, которую наконец решилась рассказать. С обедом тоже. Хотела, чтобы всё началось по-человечески.

Пока Лука относил длинный свёрток в мою комнату, я получила сообщение от Терезы. Завтра к началу смены принести рабочую обувь, блокнот, собственные ножницы, если при-

выкла к ним. Никакого приветствия длиной в страницу. Я перечитала три строки с таким удовольствием, будто мне уже доверили целую постановку.

Роза заметила.

— Работа?

— Да. Спрашивает про ножницы.

— Покажи, какие взяла.

Я достала чехол. Бабушка взяла инструмент, открыла, закрыла, проверила кончики пальцем с таким уверенным движением, что мне захотелось отдать ей всё на проверку.

— Хорошие. Только не оставляй их возле чужого стола, потом весь день будешь искать.

— У тебя тоже крали?

— У меня заимствовали. С огромным уважением к чужому труду и без намерения вернуть.

Она отдала ножницы. Я убрала их глубже, отдельно от бумаги. Пришедший Лука спросил, какое оружие у меня следующее по старшинству. Роза ответила раньше меня:

— Распарыватель. Но его обыкновенно применяют после чужих удачных идей.

Мне нравилось, что она знает эту часть моей жизни без объяснений. Дома я часто говорила о работе слишком быстро, убирая подробности, пока собеседнику не стало скучно. С Розой можно было назвать инструмент и увидеть, как она вспоминает его вес.

Я написала Терезе, что буду вовремя. Потом отправила Софии фотографию ножниц на бабушкиной скатерти. Та ответила снимком огромной корзины цветов и подписью: «Если завтра сбежишь на свидание вместо первого рабочего дня, заставлю тебя разобрать этот заказ по оттенкам. Без права на розовый».

Я улыбнулась телефону и убрала его. Завтра меня ждал целый день, в котором Лука мог появиться только после работы. От этой мысли он неожиданно понравился мне ещё больше: хотелось вернуться вечером со своей историей, а не только спросить, как прошла его.

* * *

Лука принёс небольшую коробку печенья. Роза перевернула её, прочитала название и сказала, что в следующий раз хватит его самого: если он будет приходить с едой, ей придётся искать новых гостей для утилизации подарков.

— Он может съесть обратно, — предложила я. — Видела, как он работает после концерта.

— Я думал, ты не заметила.

— Ты украл последнюю оливку с моей тарелки.

— Она лежала без присмотра.

Роза поставила на стол хлеб.

— У нас в семье имущество лучше не оставлять без присмотра.

На секунду стало тихо. Бабушка заметила это и щёлкнула меня по запястью кухонным полотенцем.

— Ешь. Я сейчас говорила про оливки.

Мы ели, разговаривая о дороге и завтрашней работе. Лука спросил, как добираться до театра, но Роза ответила мне: сначала пройти маршрут без опоздания и без любви на каждом углу. Я сказала, что профессионально отделяю одно от другого. Она посмотрела на Луку, который как раз подавал мне воду, и не стала комментировать.

После обеда он вызвался вымыть посуду. Я вытирала. Мы стояли у маленькой раковины так близко, что каждый раз приходилось договариваться локтями. Роза ушла в комнату и оставила дверь открытой. Я слышала, как двигается ящик.

— Ты волнуешься? — спросила я Луку.

Он передал мне чашку.

— Да.

— Из-за бабушки?

— Из-за того, что я много лет играл начало этой мелодии, не задавая вопросов.

Я поставила чашку на сушилку. Он смотрел на воду, стекавшую с тарелки.

— Ты не мог знать того, что тебе не рассказывали.

— Я знаю. Просто теперь странно вспомнить, с какой уверенностью рассказывал сам.

Я прижалась плечом к его плечу. Не чтобы утешить окончательно. Просто хотелось, чтобы он почувствовал: я не стою по другую сторону кухни и не жду защиты деда.

Роза вернулась с плоской коробкой и пакетом, в котором что-то тихо стукнуло. Поставила на стол, убрала полотенце, поправила очки.

— Сразу скажу, — произнесла она. — Я не отдам вам всё это увозить. Вы можете смотреть здесь. Что захотите скопировать — спросите у меня отдельно.

Лука повернулся к ней.

— Конечно.

Она посмотрела ему в глаза. Дольше, чем требовалось для обычного согласия.

— И я не собираюсь сегодня рассказывать свою жизнь по порядку. В ней было много вещей, не связанных с Джулио.

— Я хочу услышать то, что вы готовы, — ответил Лука.

У Розы немного опустились плечи. Я вдруг поняла, что она тоже готовилась защищаться.

Она достала кассету. На узкой белой наклейке было написано от руки название, а ниже — год. Я узнала почерк по спискам покупок, запискам на холодильнике, поздравлениям, которые бабушка писала мне каждый декабрь. Здесь буквы были моложе, мельче, но те же.

— Аппарат ещё работает, — сказала Роза. — Иногда капризничает. Не начинайте чинить, пока я не попрошу.

Лука улыбнулся. Я уселась на стул боком, чтобы видеть обоих.

Бабушка положила кассету обратно.

— Сначала кофе. После еды я плохо думаю без него.

Я едва не возразила: мы приехали, наконец можно узнать всё. Потом увидела, как она растирает большим пальцем край очков. За этим спокойствием было усилие. Ей семьдесят шесть, мы только что пересекли её обычный день с чемоданом, вопросами и чужой знаменитой фамилией.

Я встала и потянулась к кофейнику.

— Где чашки, я помню.

— Печенье тоже откройте, — добавила Роза. — Раз уж он нёс его через весь город.

Лука помог ей перенести коробку в комнату. Я осталась на кухне на минуту одна. Из окна был виден соседний балкон, где мужчина в майке поливал герань. Никакой торжественной декорации для семейной правды. Я почему-то обрадовалась этому.

Из комнаты донёсся голос Розы:

— Нет, сюда не садись. Это стул, который Пьетро обещал починить. Я до сих пор не доверяю обещанию.

Лука рассмеялся. Я поставила чашки на поднос и пошла к ним, стараясь не торопиться больше, чем могла позволить бабушка.

Глава 2. До вступления

Лука

Первым на записи зазвучал стул. Скрипнул так отчётливо, что я едва не оглянулся. Потом кто-то попросил открыть дверь, прошли шаги, и женский голос сказал: «Ещё раз отсюда. После четвёртого не спеши».

Роза сидела напротив, положив ладони на колени. Её молодой голос был ниже, чем я ожидал. Нынешний я уже знал, с его суховатой иронией и привычкой коротко произносить моё имя. На кассете она говорила быстро, почти перебивая того, кто собирался ответить.

Элиза перестала двигать чашку по блюду.

Первые ноты я узнал сразу. Мог бы сыграть их сонным, в незнакомой комнате, на плохом инструменте. Во Флоренции люди улыбались, когда слышали это начало. Отец говорил, что слушатель любит узнавание: оно помогает войти в концерт, как знакомый человек помогает войти в чужой дом.

Здесь начало было другим. Не настолько, чтобы нельзя было узнать мелодию, но достаточно, чтобы привычная рука мысленно ошиблась. Фраза не выходила на удобную опору, висела чуть дольше, оставляя место дыханию. Потом Роза остановилась, тихо засмеялась и сказала кому-то: «Нет, это уже твоё. Я хочу вернуться к первому».

На заднем плане мужчина ответил. Не всё разобралось сквозь шорох. Мне послышался голос деда, но я не сказал этого. Слишком легко было бы выдать желание узнать за то, что действительно услышал.

Роза сама нажала остановку.

— На этом месте плохо. Плёнка не новая.

Я смотрел на аппарат. Кнопка воспроизведения медленно поднялась с мягким щелчком.

— Можно ещё раз начало?

Бабушка Элизы кивнула и перемотала, чуть дольше нужного. Мы снова слышали стул, дверь и молодой голос. На этот раз я заметил, что кто-то считает вслух перед первым звуком.

Я слушал до конца фразы. Не пытался сразу назвать всё словами. Когда запись остановилась, в квартире стало слышно, как у соседей работает телевизор.

— В вашей версии нет этого перехода, — сказал я. — Который потом идёт к повторению. Роза кивнула.

— Его придумал Джулио. И финал. Здесь мы ещё спорили, как туда прийти.

Она произнесла имя спокойно. Я услышал в этом больше уверенности, чем в обвинении. Она знала, что сделала сама, и не нуждалась в том, чтобы отнять чужое ради доказательства.

Элиза посмотрела на меня. Я потянулся к её руке, лежавшей на столе. Не как к спасательной верёвке. Хотел дать понять, что всё ещё здесь, хотя лицо, наверное, выглядело непривычно.

Роза вынула из коробки лист. Не тот, который Элиза нашла во флорентийской подкладке, а другой: с помарками, кусочком надорванного края и двумя разными чернилами.

— Я принесла начало на репетицию. Он предложил переделать сопровождение. Мы работали вместе. Тогда мне казалось очевидным, что это и будут говорить.

Я прочитал строки под нотами, стараясь не касаться бумаги. Дедов почерк знал по открыткам и нескольким партитурам, оставшимся у отца. Здесь тоже узнавал не всё. Роза показала, где писала сама, где добавлял Джулио.

— Я не специалист по почерку, — сказал я, потому что чувствовал необходимость не перескочить дальше того, что видел.

— Я тоже, — ответила она. — Поэтому у меня не один красивый лист.

* * *

Она показала конверты. Доставала их по одному, говорила дату, иногда откладывала обратно, даже не открывая. Элиза следила за её движениями с нетерпением, которое я узнал слишком хорошо: хотелось наконец увидеть всю картину, сложить углы, перестать жить в вопросах.

Роза остановила её, когда она потянулась к тонкому голубому конверту.

— Это не про музыку.

— Я только посмотрела бы...

— Не сегодня.

Элиза убрала руку.

Мне показалось, что ей стало стыдно. Я чуть сжал её пальцы под столом. Она ответила, но не посмотрела на меня.

Следующее письмо было о сроках репетиций и изменениях маленькой театральной программы. Роза прочитала короткий отрывок, где обсуждалась «тема Розы», и передала лист мне. Не торопила. Я видел складки, пожелтевший сгиб, следы того, что бумагу много раз раскрывали, прежде чем убрать надолго.

— А запись, которая вышла потом? — спросил я.

— Вышла с его именем. Я написала, что это неправильно. Не один раз.

Она не достала эти письма сейчас. Я мог бы попросить. Но после голубого конверта уже понимал: она сама выбирает порядок, и я не получил права ускорять его только потому, что мне тяжело ждать.

— Вы говорили об этом моему отцу?

Роза посмотрела на меня. Взгляд был прямым, усталым.

— До разговора с Карло мы дойдём. Сначала ты должен понять, что я говорю о своей работе. Не только о чём-то плохом поступке.

Я почувствовал, как покраснело лицо.

— Простите. Я не хотел...

— Знаю. Но ты уже слушаешь, кого придётся защищать. Попробуй пока послушать меня.

Элиза сдвинулась на стуле, собираясь что-то сказать. Я покачал головой, и она осталась молчать. Роза была права. С первой ноты я думал о деде, об отце, о программах, в которых играл мелодию. Даже об Элизе, которой сейчас мог не понравиться. За всеми этими людьми женщина напротив снова оказывалась в конце очереди.

Я отпустил её внучкину руку, положил ладони на стол и спросил:

— Как вы начали её сочинять?

У Розы чуть изменился рот. Не улыбка ещё. Скорее ослабло напряжение.

— Дома. После работы. У меня тогда был инструмент, который не держал строй внизу. Поэтому левая рука в первых набросках почти отсутствовала.

Она рассказала, как шила днём, а вечером возвращалась к фразе, которую не могла закончить. Как носила с собой маленькую тетрадь, потому что уставшие руки не всегда хотели играть, но записать несколько тактов ещё могли. Как Джулио услышал мелодию и сразу предложил более широкий звук. Ей понравилось. Важнее всего было, что кто-то отнёсся к её музыке не как к милому занятию между настоящими делами.

Я слушал, и знакомая фамильная пьеса менялась. В ней появлялась тесная комната, плохой инструмент, женщина с ниткой на рукаве. Не менее интересная история. Просто не та, к которой мы привыкли.

* * *

Роза устала раньше, чем я успел заметить. Начала отвечать короче, прижала пальцы к переносице. Элиза встала первой.

— На сегодня хватит?

— На сегодня я хочу чаю, — сказала бабушка. — Кофе вы мне уже устроили в неправильное время.

Она собрала бумаги, сама уложила в коробку. Я передал ей последнее письмо. Когда крышка закрылась, испытал почти детское желание удержать её открытой. Будто без постоянного взгляда на документы всё снова могло стать чужим рассказом, который удобно отложить.

Роза заметила.

— Мы можем продолжить в другой день. Коробка не исчезнет.

— Спасибо.

Она кивнула и попросила Элизу достать другой чай. Я перенёс аппарат на полку, следуя её указаниям. Не предложил оцифровать кассету немедленно, хотя мысль уже появилась. Лучше было спросить об этом позже, когда она выберет, кто и что услышит.

На кухне мы пили чай, говорили о работе Терезы и моём графике. Элиза пыталась нарисовать на салфетке дорогу от остановки до театра. Получилась схема, по которой можно было добраться до другого государства. Роза забрала ручку.

— У тебя тут исчез целый поворот.

— Это художественное сокращение.

— За такое сокращение завтра вычтут из зарплаты.

Я рассмеялся. Элиза посмотрела на меня поверх чашки, и её лицо наконец стало мягче. Мне хотелось пройти с ней завтрашний маршрут, донести папку, узнать, что она увидит на первом рабочем месте. Я понимал, что не смогу: у меня была репетиция в другом направлении. От этого обычного ограничения вдруг стало легче. Мир не сводился к коробке и чьей-то вине.

Перед уходом я спросил Розу, можно ли вернуться послушать запись ещё раз.

— Можно. Договоримся, когда мне удобно. Не приходите оба с голодными лицами, иначе я опять потрачу полдня на еду.

Элиза обняла её сзади за плечи.

— Значит, будем приходить сытыми и печальными.

— Лучше сытыми и полезными. Лампа у письменного стола мигает.

Я вызвался купить лампочку, но сначала попросил показать, какая нужна. Роза одобритительно посмотрела на меня: это был первый вопрос за день, на который она могла ответить без возвращения на пятьдесят лет назад.

* * *

Элиза проводила меня до улицы. Уже не было дневной жары, хотя стены ещё держали тепло. Мы пошли немного дальше дома, чтобы не целоваться прямо под бабушкиным окном. Она заметила это и сказала:

— Она всё равно знает.

— Я надеялся сохранить видимость приличий.

— После второго кусочка печенья ты официально принят в подозреваемые.

Я остановился возле ограды. Элиза встала напротив, подняла голову и посмотрела так внимательно, что захотелось перестать выбирать безопасное выражение лица.

— Как ты? — спросила она.

Я потёр лоб ладонью.

— Мне трудно понять, что я слышу сам, а что уже дорисовываю. Начало действительно её. Оно звучит иначе. Но я не хочу сейчас играть в человека, который одним слухом установил всё на свете.

— И не надо. Она не ждёт такого фокуса.

— А ты?

Элиза нахмурилась, затем взяла меня за край футболки.

— Я хочу, чтобы ты не исчез за фамилией. Мне нравится Лука. Он иногда ворует оливки, но в остальном ничего.

Я рассмеялся и поцеловал её. Она прижалась ко мне, ладонями к груди. На улице пахло вечерней пылью и чьей-то готовящейся едой. Я почувствовал её улыбку, когда коснулся губами шеи, и отстранился только потому, что мимо прошла женщина с собакой, одарившая нас выразительным взглядом.

— Прости, — сказал я женщине машинально.

Элиза уткнулась мне в плечо, смеясь.

— За что ты сейчас извинился? За хорошую технику?

— За затруднение пешеходного движения.

Она поправила ворот моей футболки, будто готовила к выходу на сцену.

— Напиши, когда доберёшься. И не соглашайся на важные семейные разговоры по дороге, пока думаешь обо всём сразу.

Телефон в кармане как раз завибрировал. Отец. Я показал экран. Элиза подняла бровь.

Я не стал отвечать на улице. Написал, что завтра созвонюсь после репетиции. Это не было большим бунтом. Просто сегодня у меня уже появился чужой голос, который нужно было дослушать.

Элиза поцеловала меня ещё раз, коротко, и ушла к дому. Я дождался, пока она откроет дверь, затем пошёл к остановке.

В своей комнате в Каннареджо я открыл окно и сел за маленький стол. На нём не было инструмента, только бутылка воды, блокнот и чужая пепельница, которую я убрал в ящик. Попробовал записать услышанное начало по памяти. После четвёртого такта рука автоматически пошла туда, куда много лет вела дедова версия.

Я зачеркнул продолжение и оставил пустое место. Потом написал Элизе, что добрался. Она ответила фотографией бабушкиной лампы и подписью: «Завтра куплю. Не всё достанется музыкантам».

Я улыбнулся экрану и поставил телефон рядом с незаконченной строкой.

Глава 3. Моё имя на коробке

Элиза

Роза разбудила меня словами:

— Если ты уже встала, зачем лежишь?

Я открыла один глаз. На стуле висела моя рубашка, в окне виднелся кусок соседнего дома, а под подушкой грелся телефон с сообщением Луки. Он прислал его рано: желал удачи и сообщал, что не станет советовать, как вести себя с начальством, поскольку сам плохо квалифицирован.

— Обдумываю карьеру, — ответила я бабушке.

— Обдумай её по дороге. Завтрак готов.

В кухне уже лежала записка с адресом театра и парой поворотов, которые я могла перепутать. Роза нарисовала маршрут крупно, не доверяя вчерашней салфетке. Я сфотографировала его. Она велела оставить бумагу тоже: у телефона нет обязанности любить меня весь день.

Я поцеловала её в щёку и выбежала слишком рано, чтобы потом иметь право жаловаться на опоздание. В транспорте было полно людей, которым предстоял обычный рабочий день, и это почему-то успокаивало. Никто не выглядел героем новой жизни. Мужчина рядом дремал, придерживая пакет коленями, женщина читала сообщение и беззвучно ругалась. Я стояла с папкой и пыталась не улыбаться своему отражению.

Уже в Венеции я умудрилась пройти нужный поворот. Вернулась, узнала нарисованный Розой угол и наконец увидела вход в «Сан-Леоне». Небольшая вывеска не пыталась убедить прохожих, что здесь меняют судьбы. Возле служебной двери стояла тележка с коробками. Одна была подписана словом «возврат», которое я сочла хорошим предупреждением.

Тереза Моро встретила меня в коридоре с карандашом за ухом. Волосы коротко подстрижены, очки на цепочке, тёмные брюки, в которых можно сесть на пол и сразу подняться. Она посмотрела на часы, затем на меня.

— Ферретти?

— Элиза. Здравствуйте.

— Хорошо. Сначала покажу, где нельзя оставлять сумку.

Мой первый урок оказался полезнее торжественного знакомства.

* * *

Цех был длинным, с высокими столами, вешалками и окнами, которые давали прекрасный свет, пока солнце не начинало мучить всех сразу. Под одной машинкой стояла бутылка воды, в которой хранили кисточки. Я почти потянулась к ней, и сидевшая рядом женщина подняла палец.

— Не пей. У нас тут художественная среда.

Её звали Паола. Она показала, где настоящая вода, где чай и почему нельзя ставить чашку возле серой коробки: коробку однажды залили, и с тех пор у неё характер.

Тереза провела меня мимо вешалок. Часть костюмов была уже готова к примеркам. Другие существовали в виде пакетов с тканью, записок и надежд. На стене висели эскизы постановки «Письма к ветру». Несколько персонажей, сцены ожидания, уходов и возвращений. Я сразу увидела, как можно было бы решить один длинный переход цветом подкладки, но про-

молчала. После Флоренции ещё помнила, что хорошая идея сначала должна поместиться на человеке.

— Сегодня начнёшь с жакета Мириам, — сказала Тереза. — Вот эта линия тянет, когда она поднимает руку. Посмотри, потом покажешь мне, прежде чем распарывать половину жизни.

Она положила передо мной вещь. Вблизи ткань оказалась плотнее, чем выглядела на эскизе. Я провела пальцами по шву, подняла рукав, посмотрела изнутри. Почувствовала знакомое удовольствие: здесь можно было сделать что-то понятное, и результат не зависел от того, нравлюсь ли я новому городу.

— Припуска хватит, если немного изменить посадку, — сказала я.

Тереза не кивнула.

— Если. Посмотри ещё спинку. Она двигается не только рукой.

Я посмотрела. И увидела то, что сначала пропустила.

— Сначала примерка?

— Сейчас привезут стойку. Мириам придёт после разогрева. Пока не торопись доказать, что умеешь пользоваться ножницами.

Она ушла к другому столу. Я достала свой блокнот и нарисовала два варианта, стараясь не краснеть слишком заметно. Паола подвинула мне чашку настоящего кофе.

— Здесь не первый день — это тоже диагноз. Потом проходит.

Я засмеялась и наконец села.

Через полчаса в цех вошёл мужчина с большой картонной рамой. Она была выше него и, судя по развороту в дверях, обладала собственным мнением о маршруте. Он остановился, посмотрел на нас поверх рамы.

— Если кто-нибудь спросит, это уже готовая декорация.

— А если не спросит? — уточнила Паола.

— Тогда особенно готовая.

Он поставил раму к стене, вытер ладонью лоб и заметил меня.

— Новая?

— До обеда точно.

— Андреа. Сценография. У нас иногда вместо обеда бывает доработать.

Я назвала себя. Он посмотрел на раскрытый блокнот.

— Это ты рисуешь или пытаешься объяснить жакету, что он неправ?

— Пока слушаю его оправдания.

Андреа улыбнулся и принёс мне небольшую коробку, на которой было напечатано «Э. Ферретти». Для личных инструментов. Я провела пальцем по этикетке, прежде чем успела подумать, насколько это по-детски.

Он заметил, но не пошутил.

— Если карандаши исчезнут, спрашивай у меня. Я обычно не помню, что брал.

— У тебя для этого очень честная легенда.

— Работаю над ней много лет.

Он вернулся к раме, а я поставила ножницы в свою коробку. Под собственным именем они выглядели немного важнее.

* * *

Мириам Рива пришла на примерку с влажными после разогрева волосами и бутылкой воды, которую никто не собирался путать с кисточками. Ей было немногим больше тридцати, и она умела двигаться так, что вещь немедленно начинала говорить правду. Я попросила поднять руку. Потом сесть, повернуться и повторить движение быстрее.

На третьем повторе ткань потянула не там, где я ожидала.

— Вот, — сказала Мириам. — Меня в этом месте как будто возвращают обратно. А я по сцене уже ушла.

Я присела возле её локтя, отметила булавкой край. Тереза стояла рядом, не вмешиваясь. Это было тяжелее, чем если бы говорила всё время.

— Попробуем чуть иначе, — предложила я.

Сделала временную поправку. Мириам повторила движение. Стало лучше, но линия спинки ушла.

Я выругалась вполголоса.

— Хорошо, — сказала Тереза. — Теперь ты знаешь, почему мы сначала смотрим всё, а потом начинаем верить одному шву.

Мириам улыбнулась мне через плечо.

— Я могу ещё три раза. Потом превращаюсь в голодного человека.

Мы нашли вариант после второго. Не идеальный, но пригодный для дальнейшей работы. Тереза отметила, что нужно проверить под сценическим светом. Я записала, хотя хотелось немедленно услышать слово «готово».

Когда Мириам переоделась, я осталась собирать булавки с маленькой магнитной тарелки. Руки устали больше, чем после целого дня привычной работы. Всё время хотелось делать быстро и хорошо одновременно, а получалось в основном заметно.

Тереза подошла и взяла мой рисунок.

— Рисуешь ясно. Руки хорошие. Слушаешь торопливо.

Я подняла глаза.

— Поняла.

— Вот это я завтра и проверю.

Она вернула рисунок. Я не была уверена, похвалили меня или назначили дополнительное испытание. Паола, проходя мимо, шепнула:

— Если бы всё было плохо, она сказала бы гораздо меньше.

После обеда я перепоролла только тот участок, который согласовали. Два раза остановилась, прежде чем изменить ещё что-нибудь «заодно». Мне даже стало смешно: вся моя профессиональная зрелость сегодня измерялась тем, что я сумела оставить в покое.

* * *

На перерыве я вышла к боковой двери. Узкая полоска тени была занята Андреа и его обедом. Он подвинул коробку, освобождая мне место на низком выступе.

— У тебя вид человека, который придумал три карьеры и уже разочаровался в двух, — сказал он.

— Я пока не дошла до второй. Застряла на локте.

Он показал мне фотографию своей рамы в репетиционном зале. Под нужным углом она выглядела прекрасной. Под соседним было видно всё, что он пытался скрыть.

— Вот. Мой локоть.

Я рассмеялась. Мы поели, обсуждая не великие художественные замыслы, а то, где поблизости можно купить бумагу и почему в театре всегда нужен именно тот оттенок, который вчера закончился.

Он спросил, надолго ли я приехала. Я сказала, до окончания показа, а там посмотрим. Не стала добавлять про Луку: вопрос был о работе, и я не обязана была объяснять срок пребывания отношениями. Андреа рассказал о своей задаче и о комнате, которую снимает с человеком, играющим на трубе в совершенно неподходящие для этого часы.

— Я знакома с музыкантом, — сказала я. — Они не считают время общепринятым способом.

— Тогда ты уже адаптировалась.

Мы вернулись в цех вместе. Он подхватил свою раму, я взяла жакет. На минуту всё выглядело так просто: два человека несут на работу вещи, которые ещё не совсем получились.

* * *

Лука написал ближе к концу смены. Репетиция затянулась, он не успевал приехать ко мне в Местре до позднего вечера. Предложил встретиться завтра после моей работы, а сегодня созвониться, когда я доберусь.

Мне стало досадно. Совсем немного, но достаточно, чтобы захотелось ответить односложным «ладно». Я посмотрела на жакет, лежавший передо мной. Завтра его нужно было закончить, и я сама не знала, во сколько смогу уйти.

Написала: «Хорошо. У меня будет история про локоть. У тебя найдётся что-нибудь хотя бы про колено?»

Он ответил почти сразу: «Есть человек, который хочет вырезать три минуты музыки. Могу предложить обе ноги».

Я улыбнулась и убрала телефон. Тереза как раз шла мимо, и я успела взять в руки нитку раньше, чем она посмотрела.

— Я не запрещаю людям улыбаться, — сказала она.

— Полезно знать.

— Только к концу смены хочу видеть ещё и рукав.

Я увидела готовую часть уже вечером, когда свернула инструменты. Небольшая, аккуратная работа, которую снаружи никто не заметит, если она сделана правильно. Я сфотографировала для себя внутренний шов, не лицо Мириам и не закрытый эскиз. Потом подписала файл датой.

В Местре Роза спросила, что я сегодня сделала. Я начала отвечать привычным «да ничего особенного» и остановилась.

— Переделала жакет для движения. И не испортила его из желания сразу улучшить всё. Бабушка поставила передо мной тарелку.

— Второе иногда сложнее первого.

Позже позвонил Лука. Я вышла на маленький балкон, где пахло влажной землёй из Розиных горшков, и рассказала про примерку. Он слушал не так, как люди слушают удобный отчёт любимой девушки. Переспросил про движение, попросил объяснить, где тянуло. Мне пришлось встать и показать, забыв, что видеосвязь держится на телефоне, прислонённом к вазону.

Телефон упал экраном в листья.

— Я правильно понял, — донеслось оттуда, — что это передовой подход к кадрированию?

Я смеялась, доставая его из зелени. На экране Лука тоже смеялся, уставший, с распущенным воротом рубашки. Мне захотелось коснуться его лица так сильно, что я на секунду замолчала.

— Завтра, — сказал он, заметив.

— Завтра, — согласилась я.

Потом показала ему коробку со своим именем. Он ничего не сказал сразу. Просто улыбнулся иначе, без шутки, и попросил повернуть её чуть ближе к свету.

Глава 4. Удобное начало

Лука

Нико пришёл на репетицию с виолончелью, запасной рубашкой и чужой зарядкой.

— Нашёл у себя, — сообщил он, положив провод на стул. — Если твоя, заberi. Если не твоя, всё равно заberi. Я устал чувствовать ответственность.

Я посмотрел на разъём.

— Ты с ним неделю ездешь?

— Он хорошо себя ведёт.

В маленьком зале было прохладнее, чем снаружи, но инструмент всё равно требовал времени. Нико устраивался, проверял стул, менял длину шпиля. Я провёл пальцами по клавишам, слушая, как звук держится под невысоким потолком. Не тот зал, к которому привык во Флоренции. Здесь некоторые паузы приходилось отпускать раньше, иначе фразы начинали толпиться.

Дарио сидел в третьем ряду с распечаткой программы. Не мешал первые десять минут, что я счёл признаком опасной подготовки.

Мы сыграли начало, остановились, вернулись. В одном месте я изменил привычное движение левой руки, сам не успев решить, зачем. Нико поднял смычок.

— Это так задумано?

— Нет.

— Тогда я зря был очень понимающим.

Я извинился и начал заново. После Розиной записи знакомые вещи перестали складываться автоматически. Я ловил несуществующие отличия там, где их не было, и не мог отделиться от желания сыграть всю программу так, будто сам её только сегодня узнал.

На перерыве Нико опустился на край сцены рядом со мной.

— Ты вчера был у неё?

Я кивнул.

— И?

Рассказал о кассете, о раннем варианте темы, письме. Не стал пересказывать личное, что Роза говорила между документами. Нико слушал, держа стакан с водой двумя руками.

— Ты отцу звонил?

— Сегодня собирался.

— До репетиции или после того, как мысленно разругаешься с ним три раза?

Я усмехнулся.

— У меня уже четвёртый.

Нико посмотрел на меня.

— Сохрани хоть немного для настоящего. Там обычно другие реплики.

* * *

Дарио дождался, пока мы вернёмся к программе. Он умел говорить о неудобном так, будто предлагал всем удобный стул.

— Начало оставим знакомое. Потом твои новые вещи, потом вернёмся к тому, ради чего часть людей и пришла. Это не отменяет авторства, Лука. Это строит вечер.

Он постучал карандашом по строке с фамилией деда. «Вечер на воде» стоял ближе к концу списка.

Я посмотрел на название и почувствовал, как во мне поднимается раздражение раньше мысли. Дарио ещё ничего не знал о вчерашнем прослушивании подробно. Я сообщил ему только, что появились материалы и нужно время.

— Эту вещь пока не закрепляем в рекламном тексте, — сказал я.

— У нас уже заявлена семейная программа.

— Семейная не значит, что я обязан играть именно её.

Дарио отложил карандаш. На его лице не появилось ни удивления, ни возмущения. Скорее он начал считать, сколько разговоров теперь потребуется.

— Тебе нужно заменить номер? Хорошо. Предложи равноценную вещь по времени и составу. Только без формулировки «потом решим», потому что с этим я не могу работать.

Я назвал другую дедову пьесу, с которой не было той же истории. Мы ещё не спорили о всём наследстве. Я не хотел делать вид, что один вечер может решить разом, что мне позволено любить в собственной семье.

Нико поднял бровь, увидев выбранную замену.

— Вот теперь мне точно нужна моя зарядка. Я буду учить, пока телефон не сядет.

Дарио улыбнулся, и напряжение немного ушло.

Потом мы разобрали мою новую короткую пьесу. В ней было место, которое я слишком долго украшал, боясь, что простая фраза покажется бедной. Нико сыграл свою линию так ясно, что я услышал всю лишнюю работу вокруг. Остановился, вычеркнул несколько тактов.

— Больно? — спросил он.

— Очень.

— Значит, автор присутствует.

Я рассмеялся. Дарио посмотрел на часы, но не вмешался. Мы сыграли снова, и впервые за утро мне понравилось то, что не было связано с фамилией на афише.

* * *

Отцу я позвонил во дворе, подальше от открытого окна зала. Он ответил сразу. Спросил о дороге, комнате, инструменте. Мне захотелось задержаться в этих вопросах и не переходить к тому, ради чего набрал номер.

— Я вчера слушал запись Розы, — сказал я.

Пауза была короткой. Отец умел делать паузы так, что в них помещалось неодобрение без единого грубого слова.

— И что ты услышал?

— Раннее начало «Вечера на воде». В её исполнении. Другой вариант, до перехода и финала, которые добавил дед. Есть письма о проекте.

— Люди часто приносят на совместную работу какие-то темы. Твой дед работал с десятками...

— Она не говорит, что написала всю итоговую версию. Говорит, что начало её, а обработка и финальная часть Джулио.

Я произнёс дедово имя намеренно. Отец заметил.

— Лука, ты сейчас хочешь разобраться или уже выбрал сторону?

Вопрос был знакомым. В детстве правильная сторона обычно совпадала с той, которую он считал разумной. Я прижался спиной к стене и посмотрел на свои ботинки.

— Я хочу разобраться. Поэтому не буду заранее рассказывать, что она всё придумала.

— Я этого не говорил.

— Хорошо. Тогда мы согласны хотя бы здесь.

Отец вздохнул. Я представил его у окна кабинета, с телефоном в левой руке. В правой он, вероятно, переключал ручку. Когда волновался, всегда что-нибудь держал.

— Не стоит выносить в программу то, чего ты ещё не понимаешь.

— Я пока и не выношу. Одну вещь заменил, чтобы не повторять привычную подпись, пока есть вопросы.

— Это тоже жест. Организаторы спросят почему.

— Я отвечу, что работаю над программой.

Он помолчал дольше.

— Ты думаешь, я против этой женщины лично. Я даже не...

Отец оборвал фразу. Я ждал продолжения. Он спросил, во сколько у меня следующий концерт, будто разговор случайно свернул не туда и можно было вернуться на широкую дорогу.

Я назвал день. Потом спросил прямо, знает ли он что-нибудь о её письмах.

— Не по телефону сейчас. Мне нужно посмотреть, о чём именно речь.

Я почувствовал злость, но не стал заполнять ею место ответа.

— Посмотри. Я вернусь к этому вопросу.

После звонка постоял ещё немного у стены. Из зала донеслось, как Нико повторяет сложный кусок. Одна и та же короткая последовательность, снова и снова, без великого семейного смысла. Обычная работа человека, который хочет сыграть чище.

Я вернулся к нему и попросил пройти эту часть вместе.

* * *

Элизу я встретил после её смены возле бокового выхода «Сан-Леоне». Она появилась с папкой, сумкой и маленьким пакетом, в котором, как выяснилось, была лампочка для Розы. Взглянула на меня, остановилась и улыбнулась тем особенным способом, из-за которого я забывал заранее придуманную реплику.

— Ты существуешь целиком, — сказала она. — Вчера на экране всё время исчезало одно плечо.

— Плечо было занято репетицией.

Она подошла и поцеловала меня так, будто проверяла наличие второй половины лица. Я положил ладонь ей на спину и услышал тихое довольное «м-м», которое хотелось запомнить лучше любой мелодии.

— Пойдём что-нибудь съедим? — спросил я.

— Только сидя. Сегодня я профессионально стояла.

Мы нашли столик, за которым можно было устроить её сумку между ногами, не перекрыв людям дорогу. Элиза сняла туфли под столом на несколько секунд, потом заметила мой взгляд.

— Не оценивай. У меня сейчас очень личные отношения с прохладным полом.

Я рассказывал о репетиции, она — о Терезе и необходимости слушать рукав целиком. Не мог не улыбаться, когда она показывала движение руками. В её рассказе вещь оживала: тянула, сопротивлялась, соглашалась только после третьего подхода. Она была смешной и возбуждённой работой, и мне хотелось касаться её именно в этот момент, когда она думала совсем не обо мне.

Потом я сказал про разговор с отцом. Не стал ждать, пока вечер закончится удачно и трудное можно будет перенести на завтра.

Элиза опустила вилку.

— Он не ответил про письма?

— Пока нет. Сказал, что посмотрит.

— Тебе верится?

Я посмотрел на воду в стакане.

— Верится, что посмотрит. Не знаю, что потом скажет.

Она кивнула. Не потребовала от меня сейчас порвать с отцом и не стала говорить, что наверняка всё образуется. Переспросила, как Роза отреагировала на мою просьбу ещё раз услышать запись. Я рассказал про лампу.

Элиза подняла пакет.

— Уже купила. У тебя отнимают возможность произвести впечатление.

— Тогда придётся возвращаться ради музыки.

— И печенья.

— Печенье было сильным аргументом.

Она улыбнулась, но глаза оставались серьёзными. Под столом коснулась коленом моего колена. Я накрыл её руку своей и не стал говорить ничего, что должно было сделать нас спокойнее раньше времени.

* * *

Когда мы вышли, город всё ещё был полон людей, но между шумными проходами находились короткие тихие куски. Мы остановились у закрытой двери, чтобы дать пройти большой компании, и потом почему-то остались там ещё на минуту.

Элиза подняла голову.

— У тебя завтра рано?

— Да.

— У меня тоже.

Я коснулся пальцами её щеки. Она повернулась к ладони, и вся разумная часть вечера внезапно стала далёкой. Поцеловал её медленно, чувствуя, как она цепляется за мой рукав. Потом быстрее. Она выдохнула и сама притянула меня ближе.

— Я сейчас начну предлагать очень плохую логику, — прошептала она.

— У меня целый список.

Мы рассмеялись, прижавшись лбами. Элиза посмотрела на пакет с лампочкой, который я держал второй рукой, и вздохнула так выразительно, что я едва не пообещал отменить всё на свете.

Вместо этого спросил, когда она свободна по-настоящему. Не между двумя обязательствами, не на десять минут у чужой двери. Мы открыли телефоны, нашли вечер и договорились оставить его пустым.

— Это будет настоящее свидание? — уточнила она.

— Я даже попробую не нести твою линейку.

— Тогда подумая, достоин ли ты.

Я проводил её часть пути до пересадки, не изображая, будто Местре находится за соседним мостом. Перед расставанием она забрала лампочку и ещё раз поцеловала меня, уже без попытки притвориться, что нам легко остановиться.

Когда Элиза ушла, я некоторое время смотрел вслед. Потом достал телефон и записал несколько слов о собственной пьесе. Не чтобы отвлечься от неё. Скорее оттого, что после встречи хотелось сделать что-то живое, за что отвечал только я.

Глава 5. Цвет с изнанки

Элиза

В лавке с тканями я провела первые десять минут, делая вид, что знаю, чего хочу. Женщина за прилавком терпеливо наблюдала, как я прикладываю один образец к другому, затем сказала:

— Если вы ищете невозможный зелёный, он был вчера.

Я подняла голову.

— Насколько невозможный?

— Чтобы в тени почти серый, а на свету всё-таки живой.

Я посмотрела на неё с уважением.

— Вы давно этим занимаетесь?

— Достаточно, чтобы узнавать людей, которым нужен один цвет с двумя характерами.

Тереза отправила меня за образцами для подкладки и тесьмой. Не за великим решением постановки, а за небольшим пакетом вещей, без которых застревала чужая работа. Я успела обидеться на это по дороге, потом вспомнила, что в начале недели сама перепутала два оттенка на мониторе. Женщина разложила передо мной кусочки ткани, и обида стала совершенно непрактичной.

Я попросила выключить маленькую лампу над прилавком. Потом включить обратно. Потом поднести образец к двери. Продавщица вздохнула, но помогла. На улице ткань выглядела иначе, чем внутри, и я наконец увидела, что искала: не зелёный, который будет спорить с лицом Мириам, а мягкий сероватый оттенок, меняющийся в движении.

Я сфотографировала образец возле белого листа, отправила Терезе и не стала писать «я придумала». Написала: «Посмотрите этот. Снаружи спокойнее, чем на фото. Возьму маленький образец для проверки?»

Ответ пришёл короткий: «Да. И тесьму не забудь».

Продавщица посмотрела на экран и усмехнулась.

— Начальница?

— Очень узнаваемо?

— Я тоже так пишу дочери, когда она идёт за хлебом и возвращается с историей.

Я купила тесьму первой, чтобы заслужить право на историю. Потом сложила образцы отдельно, взяла чек и отправилась обратно, на этот раз следуя маршруту, а не красивому повороту, который внезапно показался короче.

* * *

В цехе Тереза проверила образец под рабочей лампой, затем отнесла к окну. Не похвалила. Просто сказала:

— Сделай пробу на небольшом участке. Мириам сегодня придёт ближе к вечеру.

Мне захотелось улыбнуться слишком широко, и я наклонилась над столом. Паола, проходя мимо, легонько ткнула меня рулеткой в плечо.

— Дыши. Это пока не главный занавес.

Я сделала две маленькие пробы. На одной линия была прямой, на другой я чуть изменила угол, чтобы в движении открывалось больше светлой ткани. Когда Мириам подняла руку,

второй вариант наконец сработал так, как я представляла: подкладка появлялась и исчезала, не требуя отдельного жеста.

Тереза попросила повторить. Потом ещё раз, уже с поворотом корпуса.

— Этот оставляем для следующего прогона, — сказала она.

И всё.

Я стояла с игольницей на запястье и чувствовала себя так, будто мне разрешили поселиться в собственной профессии. Не помогать кому-то талантливому незаметно, не быть человеком, который всегда успевает подхватить. Придумать маленькую вещь и увидеть, как ею пользуются.

Андреа заметил моё выражение, когда пришёл за кусочком ткани для проверки цвета декорации.

— Кто-то победил локоть?

— Сегодня другой участок тела.

— Осторожно. Так к июлю соберёте человека целиком.

Я дала ему образец и попросила не потерять. Он торжественно прикрепил его к большому листу с названием сцены. Мне понравилось, что он не сунул ткань в карман, где она могла исчезнуть вместе с карандашами.

После смены я выбралась в город без папки. Это был совсем другой способ идти: обе руки свободны, плечи ничего не удерживают, можно остановиться, не проверяя, кого ударишь свёртком. Я купила Розе хлеб и села на низкую ступень у воды, пока не пришло время возвращаться в Местре. На противоположной стороне мужчина пытался вымыть большое окно, всё время споря с маленькой собакой под ногами. Я смотрела на него и впервые не пыталась немедленно сохранить увиденное в телефоне.

Лука прислал сообщение: «У меня сегодня почти получилось не спорить с инструментом. Ты как?»

Я ответила фотографией своей руки с маленьким зелёным лоскутом. Он написал: «Теперь я ревную к ткани. Она у тебя с утра».

От этих слов захотелось, чтобы он сидел рядом. Я спрятала улыбку в бумажный пакет с хлебом и пошла домой.

* * *

Роза мыла маленький горшок на кухне. Лампочка, которую я вчера купила, уже стояла в светильнике и отлично работала.

— Поменяла сама?

— Она не сопротивлялась.

Я поставила хлеб на стол, показала образец и рассказала, как он повёл себя на примерке. Бабушка слушала, вытирая горшок, а потом попросила нарисовать угол. Я нашла карандаш, перевернула старый конверт и быстро набросала две линии.

Роза посмотрела.

— Так лучше видно плечо. Хорошо, что не стала открывать сразу всё.

Я подняла глаза.

— Ты говоришь прямо как Тереза.

— Значит, у неё есть шанс.

Бабушка села, положила полотенце на колени и попросила воды. Я подала стакан. Она пила маленькими глотками, и я заметила усталость, которую легко было пропустить за её шутками.

— С музыкой так же было? — спросила я. — Сначала пробовала на небольшом кусочке?

— С музыкой я чаще сразу хотела весь мир. Поэтому иногда ничего не выходило.

Она усмехнулась, глядя на рисунок.

— Пьетро говорил: сначала допиши то, что играешь в кухне, потом требуй концертный зал.

— Он слушал?

— Приходилось. Квартира не была большой.

Я улыбнулась. Дед умер, когда мне было двенадцать. Я помнила его ладони, запах табака на куртке, то, как он прятал для меня конфету и делал вид, что не знает, где она. Никогда не представляла его человеком, который слушал незавершённые мелодии молодой Розы и должен был иногда просить её прекратить повторять одно и то же.

— Он знал Джулио?

— Конечно. Возил мне на репетицию забытые ноты. Потом забирал, когда мы засиживались. Называл Джулио моим самым утомительным коллегой и однажды принёс ему бутерброд, потому что тот всем мешал от голода.

Роза сказала это так просто, что между именами не оставалось места для придуманного романа. Работа, муж, вечер, забытые ноты. Всё сложнее и обычнее красивой тайны.

— Они дружили?

— Не особенно. Пьетро был вежливым. И очень не любил, когда люди обещали больше, чем собирались сделать.

Я посмотрела на неё. Роза сложила полотенце ровнее.

— Джулио мне нравился как музыкант. С ним было интересно работать. Именно поэтому потом было так неприятно. Не потому, что он разбил мне сердце. Сердцем у меня занимался другой человек и справлялся гораздо лучше.

Я рассмеялась. Бабушка тоже улыбнулась, затем поднялась проверить кастрюлю. Разговор не превратился в исповедь до ночи. Она рассказала столько, сколько хотела сегодня, и вернулась к ужину.

* * *

На следующий вечер мы с Лукой встретились без торжественного плана. У него освободился час, у меня закончились силы делать вид, что я не жду. Я приехала обратно в Венецию после короткого ужина у Розы, взяв лёгкую куртку на случай ветра. Лука увидел её у меня в руках и спросил, не собираюсь ли я проверять посадку прямо во время свидания.

— Если будешь сутулиться, да.

— Суровая женщина.

— Я бережно отношусь к профессиональным привычкам.

Мы шли по обычным улицам, выбирая места, где можно не протискиваться плечом каждую минуту. Лука купил нам по маленькому мороженому, и моё начало таять быстрее, чем я успевала с ним справляться. Он смотрел, как я спасаю рукав от капли.

— Не смей.

— Я ещё не начал.

— У тебя уже лицо.

Он достал салфетку. Подал мне, потом осторожно стёр каплю возле моего большого пальца. Я посмотрела на его руку, на себя, на остаток мороженого и сказала:

— Это очень непрактичное место для сильного впечатления.

Лука рассмеялся, забрал у меня стаканчик и поцеловал. У него на губах оставалась прохлада, и я почувствовала её раньше, чем тепло ладони на спине. Обняла его за шею, прижимая к плечу бумажную салфетку, которую так и не успела выбросить.

Мимо шли люди. Мы отступили к стене, давая им пройти, и Лука не отпустил меня сразу. Я чувствовала его дыхание у виска, пальцы на талии. Хотелось перестать считать, сколько времени ещё остаётся до дороги домой.

— Нам нужен тот вечер, который мы нашли в календаре, — сказала я.

— Он не отменён.

— Хорошо. Потому что я уже начала ненавидеть разумную логику.

Мы ещё немного постояли, потом доели совершенно потерявшее форму мороженое. Лука рассказал про новый кусок собственной пьесы, который наконец перестал украшать. Я — про удачную подкладку и бабушкин бутерброд для Джулио. Он выслушал эту историю с улыбкой, за которой на секунду появилось что-то тяжёлое.

— Мне странно думать о нём в чужой обычной жизни, — признался он. — Не на фотографии с концерта.

Я взяла его под руку.

— Роза тоже существует не только возле коробки с нотами. Сегодня она заставила меня вымыть полку, потому что я «всё равно молода и наклоняюсь без звука».

Лука рассмеялся по-настоящему. Мы пошли дальше, и разговор снова стал нашим: кому нужен выходной, кто хуже переносит жару, можно ли считать свиданием совместный поиск места, где никто не требует от тебя немедленно двигаться.

Когда пришло время расставаться, я отдала ему куртку на минуту, чтобы поправить сумку. Он терпеливо держал её, пока я распутывала ремень, а потом вдруг поднёс ткань к лицу.

— Что?

— Запоминаю, — сказал он.

У меня потеплели щёки. Я забрала куртку, поцеловала его ещё раз и ушла, уже зная, как буду думать об этом простом жесте по дороге в Местре.

Глава 6. Мелкий шрифт

Лука

В архив я пришёл с паспортом, карандашом и уверенностью человека, который не умеет заполнять заявления, но надеется понравиться сотруднице. Сотрудница посмотрела на меня поверх очков и подвинула заявление обратно.

— Здесь название фонда. Здесь ваше имя. Вы, судя по всему, не фонд.

— Пока нет.

Она не улыбнулась. Я исправил строки.

До этого утра моё представление об архиве состояло из прохладной комнаты и человека, который сразу выносит нужную папку. В действительности сначала потребовалось понять, что именно я ишу. Венецианские музыкальные программы семьдесят четвёртого года оказались недостаточно точным пожеланием. Имя Джулио Вальенти немного помогло; название небольшой постановки, которое Роза позволила переписать с конверта, помогло значительно больше.

Я сел за стол, пока сотрудница проверяла описание. За соседним местом женщина разглядывала старый план здания, прижимая края мягкими грузиками. Каждые несколько минут она записывала что-то в тетрадь и снова наклонялась к бумаге. Никто здесь не торопился признать меня участником семейной драмы. От этого стало легче.

Нико прислал фотографию моего забытого шарфа на спинке стула.

«Пришёл за инструментом. Нашёл доказательство твоего существования. Забирай, пока Дарио не включил его в расходы».

Я ответил, что шарф может заменить меня на встрече, если будет достаточно молчалив.

«Слишком высокая планка для ткани».

Вчерашняя репетиция шла хуже, чем хотелось. Собственное небольшое вступление я переписал дважды, и оба раза Нико терпеливо сыграл предложенную линию виолончели, прежде чем спросить, обязательно ли ей всё время извиняться за появление. Он говорил о музыке. Меня разозлило, насколько легко я услышал в этом всё остальное.

Сотрудница вернулась с тонкой папкой. В ней было несколько программ, афишный лист и список участников. Она объяснила, какие страницы можно фотографировать, а на какие потребуется отдельный запрос. Я положил телефон экраном вниз и сначала прочитал.

В программе был указан Джулио. Роза значилась среди работников костюмерной мастерской. Рядом с названием музыкального номера стояли инициалы, которые ничего не доказывали без контекста. Я уже научился не превращать каждую букву в оправдание или обвинение.

Зато в списке участников нашлось имя, повторявшееся в двух письмах из Розиной коробки: Лидия Фабри. В постановке она пела небольшую партию. Я спросил, есть ли сведения о других документах, связанных с ней.

— Есть переданный позднее материал, — сказала сотрудница. — Но наличие имени не означает, что у нас есть её адрес. И даже если есть, мы не выдаём его посетителям.

— Конечно. Я могу оставить письмо, которое вы передадите, если сочтёте возможным?

Она впервые посмотрела на меня без готовности исправить следующую клетку.

— Краткое. С причиной обращения и вашим контактом.

Я взял чистый лист. Первое предложение получилось длинным и торжественным, будто я представлял комитет. Я зачеркнул его и написал, что внук Джулио Вальенти пытается уточнить историю совместной работы деда с Розой Витале. Что Роза согласна на проверку нескольких

материалов. Что я не прошу подтверждать заранее выбранную версию и не собираюсь ничего публиковать со слов человека без его согласия.

Потом перечитал. Слова выглядели порядочно. Оставалось научиться им соответствовать.

Я отправил Розе фотографию разрешённой страницы программы и спросил, помнит ли она Лидию. Ответ пришёл не сразу. Я успел получить копию ещё одного листа и убедиться, что в нём речь о репетиции совсем другого номера.

«Помню. Она всё время мёрзла. Даже летом. Написать ей можно. Не обещай, что я обязательно встречусь».

Я ответил: «Не обещаю».

Сотрудница приняла моё письмо и объяснила, что ответа может не быть. Я поблагодарил её, убрал карандаш и вышел на улицу с двумя снимками и гораздо меньшим количеством уверенности, чем принёс. При этом утро не казалось потерянным. До сих пор я в основном ждал, когда кто-нибудь скажет, кем был мой дед. Сегодня впервые сделал маленькую работу, которую не стыдно было показать Розе.

* * *

Отец позвонил, когда я стоял у прилавка с бутербродом. Я посмотрел на экран, потом на еду. Продавец жестом предложил завернуть её с собой.

— Лучше так, — согласился я.

На улице пришлось отойти от узкого прохода, чтобы не мешать женщине с хозяйственной тележкой. Отец начал без приветствия:

— Ты запрашивал старые театральные материалы?

— Доброе утро. Да.

— Мне написал человек, с которым мы работали над переизданием. Спрашивает, готовим ли новую программу.

Я сразу представил, как быстро два разрешённых снимка превращаются в слухи, хотя ещё ничего не произошло.

— Пока я уточняю обстоятельства.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Как работа с архивом?

— Лука.

Я снял бумагу с бутерброда. Есть во время такого разговора казалось нелепым, но голод тоже был настоящим.

— Я никого не обвинял публично. Не называл журналистам имён. Спросил о программе и оставил письмо бывшей участнице постановки.

— Можно было сначала спросить меня.

— Я спросил. Ты сказал, что надо посмотреть.

Он помолчал. На заднем плане у него закрылась дверь.

— У меня нет всего архива отца под рукой. Не превращай мою занятость в нежелание помочь.

— Тогда помоги. Посмотри переписку по этой записи. Поинтересуйся, кому передавали материалы после его смерти.

— Я не могу бросить все дела из-за нескольких листов, которые твоя знакомая нашла у бабушки.

Я перестал снимать бумагу.

— Её зовут Элиза. А бабушку — Роза. Ты мог бы запомнить хотя бы одно имя из двух.

— Я не хотел её обидеть.

— Она сейчас не слышит. Меня ты тоже не хотел обидеть, наверное.

Мимо прошёл мужчина, ведя за руку ребёнка с огромным розовым шаром. Шар задел моё плечо, ребёнок посмотрел так, будто виноват был я. Я шагнул ближе к стене.

Отец вздохнул:

— Ты влюблён. Всё приобретает лишний вес. Ты защищаешь её, это понятно. Но музыка деда существовала до ваших отношений.

— И Розина музыка существовала до них. Именно это мы выясняем.

Мне хотелось сказать что-нибудь ещё, резкое и окончательное. Например, что он всегда требует от меня выдержки, когда нужно подождать ему самому, и взрослости, когда я впервые с ним не соглашаюсь. Но я знал, как легко мы уедем в старую семейную ссору и перестанем говорить о Розе.

— Я не прошу тебя выбрать между мною и своим отцом, — сказал я. — Я прошу посмотреть бумаги.

— Я посмотрю.

— Когда?

— На этой неделе.

Я запомнил обещание. Он, вероятно, тоже услышал, что я запомнил.

Когда разговор закончился, бутерброд успел стать липким с одной стороны. Я съел его на ступенях у воды, чувствуя глупую детскую злость: будто снова получил замечание за беспорядок в комнате, хотя пришёл показать сломанный замок. В тридцать один год это было особенно унижительно.

Элизе я написал не сразу. Сначала позвонил Нико и спросил, свободен ли зал на полчаса раньше. Он ответил, что свободен зал, но не он: у него ученик, которому нельзя обещать присутствие взрослого, а потом вместо взрослого присылать пианиста с кризисом.

— Справедливо, — сказал я.

— Рад, что ты признаёшь права людей с виолончелями.

Я добрался до зала один. Разложил ноты собственного номера и сыграл первые двенадцать тактов без остановки. Потом ещё раз, медленнее. Там, где я вчера прикрыл неуверенность плотным аккордом, звук распадался. Мне пришлось вычеркнуть красивое место. Оно было красивым и ненужным — редкое сочетание, которое я обычно защищал дольше остальных.

Когда пришёл Нико, я уже успел рассердиться на другую, более полезную вещь.

— Тут дыхания не хватает, — сказал я, показав линию.

Он поставил футляр на пол.

— Наконец-то разговор про мою работу.

Мы пробовали два варианта почти час. Нико спорил, я настаивал, потом менял решение. К концу осталась одна лишняя нота, которую он обвёл карандашом и написал сбоку: «Памятник компромиссу». Я не стёр.

* * *

Элизу я встретил после её смены. Она сразу заметила моё лицо.

— У тебя либо был неприятный разговор, либо в городе запретили кофе.

— Кофе пока спасён.

— Тогда рассказывай.

Мы взяли еду и устроились там, где можно было сесть, не загораживая чужую дверь. У неё на пальце был маленький кусок зелёной нитки. Я снял его и показал ей.

— Контрабанда, — сказала она. — Тереза взыщет с меня стоимость.

Я рассказал об архиве, Лидии, письме и отцовском обещании. Повторил и неприятную фразу о бабушке, хотя можно было заменить её общим «он раздражён». Не хотелось делать вид, что я уже всё исправил одним удачным ответом.

Элиза помолчала, завернув край салфетки внутрь.

— Он правда думает, что я нашла способ сделать себя важнее?

— Я не знаю, что он думает. Знаю, что так говорить нельзя.

— Это разные вещи, — сказала она.

— Да.

Она посмотрела на воду, потом спросила про программу. Я показал снимок. Её лицо изменилось, когда она нашла маленькую строку с Розиным именем.

— Вот, — сказала Элиза. — Она там была. Понимаю, это мы и так знали. Просто всё равно.

Я понимал. Увидеть имя значило нечто другое, чем произнести его дома за столом.

— Я ничего не могу тебе обещать про отца, — сказал я. — Даже что он принесёт полезные бумаги.

— А я не прошу отвечать за него. Мне нужно, чтобы ты потом не начал объяснять мне, что всё не так уж важно, потому что тебе тяжело с ним спорить.

Я хотел немедленно заверить, что не начну. Она поймала моё движение раньше слов.

— Просто подумай. Не обязательно сейчас красиво отвечать.

Я закрыл рот. Она улыбнулась краем губ.

— Удивительно. Получилось.

Мы доели. Потом прошли немного вместе; её сумка стучалась о мою, и каждый раз она переставляла её на другое плечо, пока я не предложил хотя бы перестать идти в обнимку по узкому переулку.

— Отказ от близости ради общественной безопасности, — сказала она.

— Временно.

У поворота она остановилась и сама притянула меня за ворот рубашки. Поцелуй был коротким, уверенным и совершенно не похожим на награду за правильное поведение. Я был благодарен именно за это. Мне не хотелось превратить нас в систему, где хороший ответ отцу даёт право прикоснуться к ней.

— Ты сегодня работала над зелёным? — спросил я, когда она отстранилась.

— И над рукавом, который меня ненавидит. У тебя есть десять минут послушать о рукаве?

— Есть пятнадцать.

Она взяла меня под руку, и оставшуюся дорогу я узнавал, как складка ведёт себя под сценическим светом. Я не всё понимал. Но задавал вопросы, пока её речь перестала быть рассказом для человека, которого надо беречь от скучных подробностей, и стала рассказом о собственной жизни.

Когда мы прощались, телефон завибрировал в кармане. Письмо из архива: обращение принято для возможной передачи. Никакого обещания ответа.

Я показал Элизе экран.

— Значит, подождём, — сказала она.

Мы стояли достаточно близко, чтобы она могла читать, не забирая у меня телефон. Я вдруг очень ясно почувствовал, как много пока держится на этом простом расстоянии: рядом, но каждый со своими руками.

Глава 7. Лишний сантиметр

Элиза

Плохое утро началось с хорошего эскиза. По крайней мере, до десяти часов я была в этом уверена.

На бумаге лёгкая верхняя часть костюма красиво продолжала движение плеча. Я придумала, как она будет раскрываться на повороте, не прибавляя фигуре тяжести. Вчера вечером набросала три варианта. Сегодня выбрала самый смелый, подчистила карандаш и положила лист перед Терезой так аккуратно, словно в правильном угле заключалась половина успеха.

Она посмотрела. Потом подозвала Мириам.

— Покажи, как ты садишься во второй сцене.

Мириам взяла стул, повернула его спинкой к нам и опустилась на сиденье боком, запрокинув голову.

— Вот так. Только в руках ещё будет письмо.

Моя красивая верхняя часть в этом положении оказалась бы у неё возле уха.

— На репетиции она садилась иначе, — сказала я.

— Позавчера. Вчера поменяли движение. Я отметила в листе, — ответила Тереза.

Лист лежал на краю стола. Под моими тремя вариантами.

Паола старательно смотрела в коробку с застёжками. Именно это оказалось хуже, чем если бы она засмеялась.

— Я могу изменить крепление, — сказала я.

— Можешь. Но сначала проверь, что именно оно должно держать.

Мириам встала, поставила стул на место и тронула мою руку.

— Мне нравится линия. Правда. Только я предпочитаю видеть партнёра, когда с ним разговариваю.

Она ушла на сцену, а я осталась возле эскиза, в котором уже не было ничего хорошего. Тереза попросила до обеда сделать простой пробник. Из дешёвой ткани. Без отделки.

Мне было двадцать семь лет, я умела отличать рабочее замечание от оскорбления и всё равно в первую минуту хотела забрать лист, сказать, что тут не ценят инициативу, и выйти. Особенно меня злило уточнение про дешёвую ткань: словно мой замысел был недостаточно взрослым, чтобы доверить ему настоящий материал.

Я взяла бязь с полки и сразу отрезала лишнее.

— Прекрасно, — сказала я негромко.

— Если это мне, я не расслышала, — отозвалась Паола.

— Это человечеству.

— Тогда говори громче. Оно далеко.

Я фыркнула против воли и наконец села.

Первые полчаса я исправляла не пробник, а собственное настроение. Тянула край сильнее, чем нужно. Дважды перерезала нитку вместе со швом. Старалась показать занятость всякому, кто проходил мимо, хотя никто не собирался проверять, достаточно ли мне стыдно. Потом Андреа принёс макет боковой стены и попросил посмотреть на одну вещь.

Я уже приготовилась услышать ещё одно замечание, но он поставил макет на высокий ящик и присел на корточки.

— Вот отсюда актрису будет видно. Если рукав в движении расширится, он попадёт на фон. Я не знаю, мешает ли это тебе. Мне как раз подходит.

Он говорил со мной как с человеком, у которого есть решение, а не как с провинившейся помощницей. Я встала рядом и посмотрела с его точки.

— У тебя тут тёмный угол?

— После перехода. До него светлее.

— Значит, нельзя делать край таким же серым. Исчезнет.

Он достал карандаш.

— Покажи.

Я потянулась к макету, но он мягко перехватил моё запястье.

— Только не пальцем по свежей краске. Я тоже хотел бы пережить сегодня хотя бы одну победу.

Мы нашли чистый обрезок бумаги. Я приложила его на уровне плеча маленькой картонной фигуры. Андреа включил переносную лампу; мы подвигали её, проверяя, как меняется пятно. Это не было окончательным решением — настоящий свет покажет иначе, — но впервые за утро мне захотелось работать, а не защищаться.

— Мне сказали сделать пробник, — призналась я.

— Мне вчера сказали, что мой вход похож на место, куда относят мёртвую мебель.

— Кто?

— Режиссёр. В его исполнении это почти комплимент: мебель хотя бы существовала.

Я засмеялась. Андреа поднялся с корточек, придерживая поясницу.

— Ты серьёзно думала, что первый вариант пустят на сцену только потому, что он красивый?

Я посмотрела на него.

— Спасибо. Уже чувствую себя лучше.

— Я серьёзно спрашиваю. Иногда пропускают. Потом все страдают, зато художник первое время доволен.

— Я не думала... Наверное, хотела, чтобы он оказался сразу правильным.

— Ужасная идея. Тогда что делать с остальными вариантами? Складировать до старости?

Он ушёл с макетом, оставив мне лампу. Я вернулась к бязи. На этот раз стала смотреть не на красивый край, а на место крепления. Один лишний сантиметр менял всё: позволял детали отойти от шеи и не падать на глаза. При этом появлялась некоторая рыхлость, которой я сначала испугалась. Я решила не убирать её до примерки.

Мириам пришла после обеда. Тереза стояла рядом, пока я объясняла, где будет временная строчка.

— Сядьте, пожалуйста, — сказала я. — А потом резко встаньте. И письмо возьмите. Можно пока этот лист.

Мириам подняла мой неудачный эскиз.

— Страдания, наконец, обрели назначение.

В этот раз засмеялась даже Тереза.

Пробник повёл себя лучше рисунка. Не идеально: край всё ещё цеплялся за браслет, а со спины собиралась лишняя складка. Но Мириам могла видеть партнёра, садиться и вставать. Я отметила исправления прямо на ткани.

— Вот теперь есть о чём говорить, — сказала Тереза.

В конце смены я спросила её, можно ли сохранить первоначальную линию в другом эпизоде. Она ответила, что можно предложить, когда я посмотрю весь переход.

Я пошла и посмотрела. И обнаружила, что в следующем эпизоде Мириам вовсе не выходит.

Иногда работа прекрасно обходится без символических уроков. Ей достаточно расписания, которое ты не прочитала.

* * *

От Луки пришло сообщение, когда я складывала инструменты.

«Репетицию задерживают. Не меньше сорока минут. Могу встретить тебя позже или перенесём. Не стой голодная у театра».

Мы договорились поужинать сегодня ещё утром. Я перечитала сообщение с раздражением, несоразмерным его содержанию. Он предупредил. Он не управлял всеми людьми в зале. У него тоже была работа. Я это знала и всё равно почувствовала себя человеком, которого после неудачного дня снова просят немного подождать.

Я ответила: «Поем сама. Если закончишь до восьми, напиши».

Он прислал: «Хорошо. Прости, что меняется вечер».

София звонила как раз вовремя, чтобы я успела стать несправедливой при свидетеле.

— Привет. Я могу две минуты, потом у меня клиентка выбирает между белым и очень белым, — сказала она.

Я начала рассказывать про пробник, потом свернула на Луку. На третьем предложении услышала себя и замолчала.

— Что? — спросила София.

— Ничего. Он предупредил. Я просто хотела, чтобы хоть вечером всё было как я придумала.

— А я хотела продать букет женщине, которая знает цвет. Жизнь щедра на испытания.

На заднем плане кто-то спросил её про эвкалипт. София прикрыла телефон ладонью, ответила и вернулась ко мне.

— Ты уже ела?

— Сейчас.

— Я не из заботы. Голодная ты можешь развестись даже с человеком, за которого не замужем.

— Ты чудовище.

— И хороший флорист. Ладно, мне пора. Потом покажешь этот свой сантиметр. Ничего не пойму, но похвалю только после объяснения.

Я купила еду и села за маленький столик у открытой двери. Примерно десять минут не проверяла телефон. Вместо этого достала блокнот и записала, почему крепление не работало. Когда сформулировала всё одной фразой, обида на Терезу стала выглядеть слишком большой для такого небольшого рабочего обстоятельства. Я не обязана была немедленно стать довольной. Но могла хотя бы перестать воображать, что меня разоблачили как самозванку.

Лука написал в половине восьмого. Я сообщила, где сижу. Он появился через некоторое время с влажными волосами и сумкой, которую, очевидно, пытался застегнуть на ходу.

— Я хотел сначала привести себя в приличный вид, — сказал он. — Потом понял, что это добавит ещё полчаса и не даст гарантии.

— Разумная оценка ресурсов.

Он остановился возле стола.

— Можно тебя поцеловать, или я пока должен заслужить стул?

— Стул свободен. Поцелуй тоже.

Я поднялась ему навстречу и только тогда поняла, как соскучилась за день. От него пахло душем и нагретой кожей. Он обнял меня крепко, не пытаясь превратить объятие в шутку. Потом сел напротив.

— Ты злишься? — спросил он.

— Немного. Уже меньше. Не только на тебя.

Я рассказала про утро. Он слушал, не прерывая, пока я не дошла до эскиза вместо письма. Здесь его лицо дрогнуло.

— Даже не начинай, — предупредила я.

— Я держусь изо всех сил.

— Я вижу.

— Просто... она прочитала трагическую весть о неудачном рукаве?

Я засмеялась, хотя собиралась дольше оставаться оскорблённой. Он выдохнул, довольный тем, что выжил.

Мы заказали ему ужин. Пока он ел, я рисовала на салфетке два крепления. Он сначала повернул рисунок вверх ногами, потом попросил показать на моей куртке. Я отказалась портить хорошую куртку, и он предложил собственный рукав как временную лабораторию. В результате соседний посетитель некоторое время наблюдал, как взрослая женщина объясняет мужчине устройство складки на его локте.

— Теперь понятно, — сказал Лука. — Ты сначала придумала, как будет красиво, а потом выяснилось, что внутри живёт человек.

— Очень короткая история костюма. Запомню для лекции.

Он рассказал о споре с Нико, который отказался играть слишком неудобный переход ради красивого эффекта. Мы сравнили масштабы чужого сопротивления и сошлись на том, что виолончелисту всё-таки труднее возражать, чем рукаву: рукав хотя бы можно распороть.

К тому времени, когда мы вышли, моя злость не исчезла бесследно — просто заняла нормальное место среди других чувств. Мне по-прежнему было жаль несостоявшегося начала вечера. Лука не мог его вернуть. Зато шёл рядом сейчас, помнил, во сколько мне лучше ехать к Розе, и не говорил, что раз всё в итоге хорошо, я зря расстраивалась.

Мы свернули в более тихий проход. Он коснулся моей ладони, и я переплела наши пальцы.

— В воскресенье я свободен после полудня, — сказал он. — Я проверил. Не на глаз.

— Прямо по взрослому календарю?

— Там были числа. Я испугался, но продолжил.

Я остановилась под окном, где на верёвке сушились маленькие детские футболки. Он повернулся ко мне. Я поправила ему ворот, задержав пальцы на шее.

— Тогда я хочу целый вечер. Без твоего телефона на столе.

— И без твоего рукава.

— Не обещаю. Он у меня сейчас серьёзный соперник.

Лука рассмеялся и наклонился ко мне. На этот раз поцелуй был длиннее. Я упёрлась ладонью в тёплую стену, другой держала его за рубашку и несколько секунд совершенно не хотела быть ни компетентной, ни остроумной. Хотела его близко, рядом, без объяснений.

Когда мы отстранились, он прижался лбом к моему лбу.

— У тебя губы пахнут лимоном, — сказал он.

— Это был последний кусок десерта. Я могла бы поделиться, если бы кто-то пришёл раньше.

— Понял. Наказание продолжается.

Я толкнула его плечом, и мы пошли дальше. У остановки я нашла в кармане кусочек бязи с сегодняшней примерки. Он выскользнул вместе с билетом. Лука поднял его, посмотрел и аккуратно отдал мне, словно это был документ.

Дома я положила пробник в папку, а не выбросила. Впервые за день он не казался доказательством моей неудачи. Он был вещью, над которой я завтра смогу работать.

Глава 8. День без программы

Лука

Свободный день начался с того, что я пытался освободить его ещё от двух вещей. Дарио написал о встрече, которую было удобно провести именно сегодня. Отец напомнил, что вечером сможет поговорить. Я перенёс встречу и ответил отцу, что позвоню завтра после репетиции. Затем выключил звук и положил телефон в сумку.

Это не было великим жестом ради любви. Я сам выбрал время и впервые за неделю хотел перестать торговать им по частям.

Элиза появилась в лёгком платье, поверх которого была накинута рубашка. На плече у неё висела сумка, по размеру вполне подходящая для перевозки небольшой швейной машины.

— Там рукав? — спросил я вместо приветствия.

— Запасной мужчина. На случай, если у основного начнётся репетиция.

— Очень предусмотрительно.

Она поцеловала меня, и я тут же забыл подготовленную шутку. Пока она отстранялась, я поймал её руку и поцеловал пальцы. На указательном оставался след от напёрстка.

— Всё, — сказала она. — Я уже не такая грозная, как планировала.

Я предложил начать с обеда. Она посмотрела с облегчением человека, который опасался, что свидание начнётся с обязательного культурного впечатления на пустой желудок.

Мы ели у окна маленького заведения, где хозяин знал половину посетителей и не имел причин быть особенно впечатлённым нами. Элиза долго пыталась поймать вилкой скользкий кусок, потом посмотрела на меня:

— Ты сейчас наблюдаешь материал для будущих воспоминаний?

— Я запоминаю, с какой решимостью ты идёшь к цели.

— Если ты назовёшь меня настойчивой, я попрошу принести тебе такую же тарелку.

Я подвинул ей хлеб. Она поймала кусок и торжественно показала его мне, прежде чем съесть. Во Флоренции мы успели влюбиться друг в друга среди примерок, концертов и находок, которые постоянно требовали немедленного обсуждения. Сейчас выяснилось, что без важной задачи между нами тоже есть чем заняться. Например, смеяться над едой. Мне хотелось гораздо больше таких часов, чем я мог честно гарантировать.

После обеда мы пошли без точного маршрута. Венеция всё равно плохо относится к попыткам управлять ею одним уверенным движением пальца по карте. Я выбирал поворот, Элиза замечала вывеску, ради которой стоило пройти ещё немного, потом мы оказывались перед водой там, где собирались идти прямо.

— У тебя был план? — спросила она.

— Был. Он не пережил хлеба.

— Хороший конец для плана.

У мастерской она остановилась разглядывать витрину. Я не стал делать вид, будто случайно интересуюсь старой отделкой. Просто встал рядом. Она объяснила, почему на одном жилете край обработан вручную и как много это меняет при движении. Потом поймала мой взгляд в стекле.

— Я говорю слишком долго?

— Ты говоришь увлечённо. Это не одно и то же.

Она отвела глаза, и я увидел, как она прячет улыбку. Мне понравилось, что я ещё мог смутить её обычной правдой.

В небольшом книжном магазине мы устроили игру: каждый выбирал другому книгу по обложке, не читая аннотацию. Элиза нашла мне тяжёлый альбом о дверях.

— Научишься уходить с репетиции.

Я протянул ей старую книгу о морских узлах.

— Новые способы укрепить костюм.

Она посмотрела на цену, затем на меня.

— Мы опасно близки к настоящей покупке.

В итоге я купил маленькую тетрадь, потому что старую заполнил поправками, а она — открытку с неприметным двором. Ни дверей, ни узлов мы не унесли. Зато на открытке она написала: «Здесь мы ни разу не были и, вероятно, не найдём». Я попросил поставить дату. Она послушно добавила число и положила карточку мне в тетрадь.

На мосту у неё развязался ремешок сандалии. Она попыталась справиться, держась одной рукой за перила, и я предложил плечо. Элиза оперлась на меня всем весом, шутливо проверив прочность.

— Подходит. До осени простоит.

Слово прозвучало легко. Я почувствовал, как привычно возникает желание ответить чем-нибудь ещё более лёгким: до следующей осени, до всех осеней. Вместо этого придержал сумку, пока она застёгивала ремешок.

— В сентябре у меня пока два предложения по концертам, — сказал я. — Ни одно не подтверждено.

Она выпрямилась и посмотрела на меня.

— А у меня пока есть июньская работа. И мечта однажды не считать, сколько стоит каждая остановка без заработка.

— Я не собирался тревожить тебя календарём.

— Я не тревожусь. Мне нравится знать, что он существует у нас обоих.

Мы пошли дальше. Мне казалось, я только что избежал маленькой ловушки, сделанной собственными руками: пообещать красивое будущее просто потому, что настоящее было прекрасным.

* * *

К вечеру стало тише. Мы сидели у воды, делили купленные на двоих фрукты и смотрели, как меняется свет на противоположной стене. Элиза сняла рубашку и положила на колени. От солнца кожа на её плечах стала чуть темнее, чем на тонкой полоске под бюстгалтером.

— Ты сейчас очень стараешься смотреть прилично, — заметила она.

— Не очень успешно.

— Это я тоже заметила.

Я придвинулся. Она упёрлась пальцами мне в грудь, но не отстранила.

— У меня серьёзный вопрос.

— Сейчас?

— Особенно сейчас. Твоя хозяйка знает, что у тебя бывают гости?

Я рассмеялся, уткнувшись лицом ей в плечо.

— Она сдаёт мне комнату, а не право быть примерным человеком. Гости допустимы. Но я обещал не устраивать громкие вечера.

— Значит, хор отпадает.

Я поднял голову.

— Элиза, хочешь остаться у меня сегодня?

Она не стала прятать ответ за шуткой.

— Да. Я взяла вещи. Именно поэтому сумка такая большая.

Несколько секунд я просто смотрел на неё. Столько раз за последнюю неделю приходилось прощаться по расписанию, сдерживать руки, возвращать друг другу куртки и расходиться в разные стороны. Оттого её спокойное «да» действовало сильнее, чем любая внезапность.

— Запасного мужчину высадим по дороге, — сказал я наконец.

Она шлёпнула меня рубашкой по плечу.

Розе Элиза позвонила сама. Я отошёл к краю площадки, но всё равно услышал, как она говорит, что вернётся завтра прямо после работы, а рабочие вещи уже взяла. Пауза. Потом её смех.

— Да, поем. Бабушка. Я ела. Нет, не только сладкое.

Я отвернулся, чтобы она не видела моего лица. Через минуту она подошла и взяла меня под руку.

— Она сказала, чтобы ты не кормил меня одной музыкой. На ней я далеко не уеду.

— Разумная женщина.

У дома я никак не мог попасть ключом в замок, потому что Элиза стояла слишком близко и целовала меня под ухом. На третьей попытке она забрала у меня связку.

— Человек с музыкальным образованием. Какая потеря координации.

В комнате было тепло. Я открыл окно, убрал со стула рубашку и внезапно увидел помещение её глазами: узкая кровать, стол с нотами, стакан, где вместо воды лежали карандаши. До её прихода всё казалось достаточным. Теперь хотелось, чтобы ей было удобно, и я начал переносить вещи без всякой системы.

— Лука, — сказала она.

Я обернулся с книгой в руках.

— Я не комиссия.

— Я знаю.

— Тогда подойди.

Я поставил книгу куда попало. Она сняла с меня сумку, которую я до сих пор почему-то не бросил, и притянула к себе. Я поцеловал её медленно, впервые за долгое время не считая, сколько у нас осталось минут. Она провела ладонями по моей спине, и я почувствовал, как уходит напряжение, которое даже не замечал за день.

Мы говорили ещё какие-то глупости: о скрипнувшем стуле, о том, что в следующий раз надо купить воду заранее, о рубашке, зацепившейся пуговицей за её волосы. Я осторожно освободил прядь. Элиза замерла, глядя мне в лицо, и вдруг всё смешное стало частью совершенно серьёзного желания быть здесь.

— Не спеши, — сказала она тихо.

Я коснулся губами её виска.

— Я никуда не иду.

Мы оставили свет только у окна. На улице ещё слышались шаги и чей-то разговор, потом я перестал различать слова. Последним, что я убрал со стола, была её открытка: чтобы не забыть. Она засмеялась, увидев это, и притянула меня обратно.

Ночь осталась нашей, без необходимости превращать её в рассказ для кого-нибудь ещё.

* * *

Утром я проснулся от осторожного шороха. Элиза стояла у стола в моей рубашке и рассматривала ноты, не касаясь листов.

— Я пыталась понять, как вы вообще находите тут нужное место, — сказала она, заметив, что я открыл глаза.

— Иногда по памяти. Иногда по чужому раздражению.

— Здесь написано: «Памятник компромиссу».

— Это почерк Нико.

Она подошла и села на край кровати. Я потянул её к себе, но она удержалась, упираясь ладонью мне в плечо.

— Мне на работу.

— Сколько времени?

Она назвала. Я мгновенно проснулся.

— Тогда завтрак.

— Я уже думала, когда ты начнёшь выполнять обещание, данное бабушке.

В маленькой общей кухне я нашёл сковороду, которую вчера считал большой, а сегодня — унизительно маленькой. Элиза резала хлеб. Я обжёг палец, попытался скрыть это и был немедленно отправлен к воде.

— Хотел впечатлить, — признался я.

— Впечатлил. Теперь знаю, как быстро ты можешь произнести четыре ругательства.

Мы ели стоя у стола, потому что на одном стуле лежали хозяйские газеты, а второй скрипел так, будто хотел участвовать в разговоре. Я отломил ей край хлеба. Она поправила мне ворот, хотя никакой необходимости в этом не было.

Между нами случилась странная перемена: близость не закончилась вместе с ночью. Она перешла в то, как Элиза без спроса подвинула ко мне чашку, потому что мне не хватало места, а я заметил, что она ищет резинку для волос, и молча поднял её со стола. Это было менее ослепительно, чем вчера. И почему-то гораздо опаснее для моего спокойствия.

На улице она проверила сумку, затем вернулась на два шага и поцеловала меня.

— Рубашка на мне лучше, — сказала она.

— Я уже понял.

— Вечером верну.

— Можешь оставить до завтра.

Она посмотрела внимательно, будто слышала и второе, не произнесённое предложение.

— Сегодня я обещала Розе. И хочу выспаться перед примеркой.

— Хорошо.

— Это не отказ от тебя.

Я погладил её по щеке.

— Я знаю.

И на этот раз действительно знал. Она уходила в собственный рабочий день, в моей рубашке под своей курткой, и я стоял у двери с таким нелепо счастливым лицом, что проходившая мимо хозяйка попросила хотя бы не держать выход открытым.

Глава 9. Разрешение на три страницы

Элиза

Роза попросила привезти лимоны, тонкую тетрадь и батарейки. Я перепроверила сообщение перед магазином: список выглядел слишком бытовым для вечера, который она предложила посвятить бумагам. Потом поймала себя на этой мысли и рассердилась. Бабушка не обязана была целый день сидеть перед коробкой, ожидая моего прихода. У неё заканчивались батарейки в кухонных часах.

Я вернулась в Местре после смены. Роза вымыла зелень и поставила её стекать, а на стол положила три листа в прозрачных папках. Один был исписан с обеих сторон.

— Сначала поешь, — сказала она. — С бумагами ты умеешь забывать вилку на полпути.

— Это передаётся по наследству?

— Надеюсь, нет. У меня в твоём возрасте было приличное внимание к ужину.

Она спросила о пробнике, и мне пришлось рассказать, что красивый вариант опять изменился. Уже без прежнего стыда я показала на себе, где деталь мешала движению. Роза слушала внимательно, потом попросила повернуться.

— Ты уверена, что дело только в верхнем креплении?

Я замерла.

— Бабушка.

— Я спрашиваю, а не приказываю. У меня нет монополии на рукава.

Я нарисовала линию на листе. Мы немного поспорили. Через пять минут стало ясно, что Роза предполагает другой материал, а я забыла это сказать. Обе почувствовали себя победительницами и вернулись к еде.

После ужина она убрала тарелки, вытерла стол и только тогда подвинула ко мне первую папку.

— Это письмо я отправила после выхода записи. Сохранился черновик. Чистового экземпляра у меня нет, — сказала она. — Здесь я написала грубее, чем потом отправила. Не знаю, хорошо ли сделала, что смягчила.

Я прочитала дату. Потом обращение. Джулио звали по имени, без фамилии и почтительности. Уже это было непривычно: имя человека, которого Лука произносил с семейным теплом, в Розиной руке стояло рядом с раздражением обычного коллеги.

Роза писала о начальной теме. О том, что передала её для совместной работы и согласилась на изменение продолжения, а не на исчезновение собственного авторства. В одном месте она перечеркнула слово «присвоил» и написала над ним «выпустил под своим именем». У меня загорелись щёки.

— Можно Луку позвать? — спросила я.

— Сегодня я хотела показать тебе. Потом покажу ему сама.

— Я понимаю. Просто он должен...

Роза посмотрела поверх очков.

— Он будет знать. Не обязательно в ту минуту, когда ты считаешь это правильным.

Я замолчала. Хотела извиниться, но бабушка уже повернула второй лист.

Там был более поздний ответ, короткий и осторожный. Его смысл сводился к тому, что музыка прошла много рук, выпущенную запись трудно исправить, а новые обстоятельства можно обсудить при случае. Никакого прямого признания не было. Никакого обещания внести имя — тоже.

Я прочитала дважды, надеясь найти хотя бы человеческую попытку понять, почему она сердится. Вместо этого увидела профессиональную вежливость, из которой вынули все неудобные существительные.

— Ты ещё писала?

— Да. И говорила. Не каждый год. У меня были работа, дочь, Пьетро, счета. Иногда мне кажется, люди ждут, что если обида настоящая, ты должна посвятить ей всю жизнь. Я не посвятила.

— Это не делает её меньше.

— Я знаю. Ты сейчас говоришь со мной или с кем-то, кого пока нет в комнате?

Я опустила глаза. На самом деле уже представляла, как буду объяснять всё это Карло. Как выложу перед ним даты и заставлю перестать говорить о нескольких листах.

Роза положила ладонь на папку.

— Я не хочу, чтобы эти письма стали чужой ссорой со мной в центре. Если мы будем что-нибудь исправлять, мне нужно понимать каждый шаг.

Я кивнула. Она некоторое время смотрела на меня, потом вынула третий лист — рабочий фрагмент нот, где знакомая мелодия была записана проще, без части поздних переходов. На полях стояли её пометки и крошечная стрелка. Я помнила эту стрелку на выкройках, которые в детстве она рисовала мне для кукол.

— Здесь мой почерк, — сказала Роза. — Но одного почерка мало. Ты должна это понимать, когда рассказываешь.

— Лука понимает.

— Я говорю не только о Луке.

Мне стало неловко: у меня действительно было желание рассказать. Не обязательно обвинить кого-то. Рассказать о женщине, которая десятилетиями делала чужое выступление возможным, а теперь снова рискует остаться маленькой строчкой возле костюмов. Я смотрела на её руки и думала, как невозможно объяснить всё одной осторожной фразой.

— Можно сделать копии для проверки? — спросила я. — Чтобы оригиналы не ездили туда-сюда. Только эти страницы.

Роза поправила очки.

— Для проверки — да. Вот эти три. Письмо можно скопировать с двух сторон. Лука может передать специалисту, которого найдёт, но сначала скажет мне, кому. В интернете я пока не хочу их видеть.

— Хорошо.

— И не надо отправлять всем подряд, чтобы кто-нибудь наконец ответил.

— Я поняла.

Она попросила повторить, какие именно страницы я собираюсь снять. Я повторила, стараясь не показать, что чувствую себя ребёнком, которому объясняют дорогу через улицу. Наверное, моё старание всё-таки было заметно.

— Элиза, — сказала она мягче. — Я доверяю тебе. Именно поэтому мне важно сказать точно.

Я достала телефон и убрала со стола всё лишнее. Мы выбрали место без бликов. Роза придерживала угол листа чистой линейкой; я сфотографировала и показала ей снимок. На втором пришлось переснять край. Она проверила читаемость даты с таким серьёзным лицом, будто принимала работу всей моей жизни.

В конце я создала отдельную папку и подписала файлы. Не потому, что бабушка требовала, а потому, что знала, как быстро среди снимков костюмов и чеков теряется важное. На каждый потратила больше времени, чем обычно тратила на пять фотографий для портфолио.

Роза посмотрела на экран.

— Странно. Сорок лет лежит в конверте, а теперь помещается в эту штуку.

— Там не всё поместилось.
Она улыбнулась.
— Вот это запомни.

* * *

Луке я позвонила из кухни, когда бабушка ушла в другую комнату за тетрадь. Сразу сказала, что разрешено копировать и что не разрешено публиковать. Он выслушал и не попросил немедленно переслать всё ему.

— Я сначала поговорю с ней, — сказал он. — Пусть сама покажет то, что хочет. Спасибо, что сказала.

Я прислонилась к холодильнику.

— Я злюсь.

— На меня?

— Сейчас нет. Просто... там такое письмо. Она объясняет совершенно очевидную вещь. Что музыка её тоже. А ей отвечают, что уже неудобно что-то менять.

В трубке послышался скрип стула.

— Я не знаю, что сказать, чтобы тебе стало лучше.

— Не надо, чтобы лучше. Иногда мне хочется, чтобы хоть кто-то злился рядом, а не успокаивал.

— Я злюсь, — сказал он. — Но, кажется, я пока злюсь очень неловко. Половина меня всё ещё ищет подробность, которая сделает историю другой.

Мне захотелось спросить, какую именно подробность он готов принять за оправдание. Я сдержалась. Он говорил честно и не утверждал, что такая подробность есть.

— Роза не просит тебя перестать любить его, — сказала я.

— Я знаю. Мне сложнее перестать считать любовь свидетельством его правоты.

Я долго молчала. Роза вернулась и увидела меня у холодильника. Жестом спросила, всё ли хорошо. Я показала большой палец, и она закатила глаза: слишком бодрый знак после такого вечера.

Когда я закончила разговор, бабушка достала из тонкой тетради две старые фотографии. На одной она стояла спиной к окну, держа у подбородка ткань. На другой Пьетро сидел за столом с дочерью на коленях; мама была маленькой, пухлой и возмущённой тем, что взрослые снова не умеют быстро фотографировать.

— Это можно смотреть без разрешения? — спросила я.

Роза посмотрела на меня внимательно. Потом засмеялась.

— Можно. Не делай из меня таможню.

Я села рядом. Мы перебирали фотографии, и постепенно тема ушла от записей к тому, как мама однажды подрезала кукле волосы и убедила всех, что кукла сама захотела перемен. Бабушка помнила смешную девочку; я знала взрослую женщину, которая проверяла, взяла ли я зонт, даже когда сама находилась в другом городе. В одном человеке помещалось гораздо больше, чем я обычно успевала заметить.

Позже, уже у себя, я открыла снимки разрешённых страниц. Приблизила строчку с именем Розы. Потом переключилась на фотографию её руки с линейкой. В кадр попал край зелёного рукава домашней кофты, чашка и маленький кусочек стола.

Из этого можно было сделать замечательный рассказ. Я почти сразу увидела начало: «Все привыкли спрашивать, кто написал музыку. Реже спрашивают, чья рука исчезла с обложки». Мне понравилась фраза. Даже слишком.

Я записала её в заметки, не публикуя. Убрала телефон и стала разбирать рабочую сумку. На завтра требовались другой напёрсток и чистые листы для новой примерки. Нормальные вещи, которые не требовали немедленно исправлять сорок лет.

На столе лежал пробник. Я сложила его так, чтобы не смялись отметки, и вдруг поняла, как похоже обращаюсь с разными кусками чужой жизни: вижу линию, которую можно сделать красивее, и уже хочу взяться за ножницы. С тканью за это отвечаю я. С Розиными письмами — не только я.

Я вернулась к телефону и приписала к папке короткое напоминание: «Только проверка. Публикация — отдельно спросить». Потом всё-таки открыла красивую фразу ещё раз. Не удалила. Она оставалась хорошей фразой, а я пока не видела, сколько неприятностей способна принести любовь к удачному началу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.